

«Его заживо похоронили»

Известия - 2006 - 14 авг. - с. 7.

Вот уже 15 лет архитектор Алексей Гинзбург — сначала с отцом, архитектором Владимиром Гинзбургом, а теперь без него — является хранителем всего, что связано с домом, вписавшим имя его деда в историю мировой архитектуры. И хотя знаменитое произведение Моисея Гинзбурга в Москве, как выразился в интервью обозревателю «Известий» **Наталья Давыдовой** его внук, «заживо похоронили», он не оставляет надежд спасти памятник.

ИЗВЕСТИЯ: Вы собираетесь выступить на открывающейся в Москве международной конференции по спасению современного архитектурного наследия. О чем будете говорить?

АЛЕКСЕЙ ГИНЗБУРГ: О том, что нравится или нет городским властям архитектура конструктивизма, но это наша визитная карточка во всем мире, наш вклад в мировую культуру. Что один из самых ярких образцов конструктивизма — дом Наркомфина — в российской столице заживо похоронили. Если игнорировать его существование и дальше, то разрушение инженерных систем сделает его уже стопроцентно опасным для проживания, и он действительно обрушится.

ИЗВЕСТИЯ: В свое время вы с отцом подготовили проект «реанимации» дома. Как это предлагалось сделать?

ГИНЗБУРГ: Варианты за 15 лет были разные, но в любом случае предлагалось здание реставрировать. Не сносить и строить заново по похожему проекту,

а именно реставрировать. Технические заключения такую возможность подтверждают: в целом конструкции находятся в удовлетворительном состоянии. Надо лишь адаптировать инженерные системы к сегодняшним технологическим требованиям. Правда, реставрацией построенных по технологиям 20–30-х годов зданий у нас пока никто не занимался. Но мы общались с немцами, которые отреставрировали Баухауз, построенный по похожей технологии, укрепив его с помощью инъекций в шлакобетон. После реставрации предлагалось использовать дом как апартамент-отель, нечто среднее между квартирой и гостиницей: на апартаменты временного проживания всегда есть спрос. Хотя мне известны как российские, так и зарубежные ценители культуры и искусства той эпохи, которым было бы интересно стать владельцем квартиры в таком легендарном доме.

ИЗВЕСТИЯ: Так почему проект «завис»?

ГИНЗБУРГ: Иностранному инвестору, с которым мы работали поначалу, не удалось решить вопросы землепользования. Потом мы предлагали проект большому количеству отечественных компаний, но когда доходило до выпуска распорядительных документов, определяющих объемы и сроки работ, дело стопорилось. Однажды дом собирались выставить на инвестиционный конкурс, на котором фирмы покупают дома и реставрируют их, а чаще реконструируют, отселяя жильцов. Но возникло столько городских обременений, что с учетом затрат на переселение жильцов и небольших размеров дома коммерчески привлекательный проект становился совершенно нерентабельным. Сегодня ходят слухи, что какая-то фирма договорилась с городом и выкупила часть пустующих квартир. Жильцы дома, с которыми я общаюсь, рассказывали, что к ним приходили и предлагали продать квартиры.

Причем к тем, кто занимается проектами по спасению здания, эта фирма, видимо, планирующая стать его единоличным владельцем, не обращалась. Меня вообще пугает «подводность» всего того, что происходит вокруг этого дома. Полагаю, что люди, готовые платить деньги за собственность в доме-памятнике, но при этом не знающие, что с ней можно делать, а что нельзя, вряд ли намерены заниматься реставрацией. При том, что здание относительно невелико, оно разместилось

на большом участке в центре Москвы, который сам по себе дорогого стоит. Боюсь, есть люди, для которых участок под домом обладает большей ценностью, чем сам дом. Распутать этот клубок реально только при твердой позиции властей: что это не обычный городской дом, который выставляется на конкурс по продаже, когда нужно найти инвесторов на реконструкцию. Что это действительно памятник, предмет национальной гордости и его нужно реставрировать.

Таким мог бы стать дом Наркомфина после реставрации